

Пушкинъ

Какъ никто другой, онъ поддается **толкованіямъ**. Какъ **зеркало** — **отражаетъ** черты того, кто о немъ говорить.

Чего-чего только о **Пушкинѣ** не было написано! Въ построенияхъ **Бѣлинскаго** и Гершензона нетъ почти ничего **общаго**, — а между **тѣмъ** и тотъ и другой по своему правы, и во всякомъ случае оба отлично знаютъ то, **о** чемъ говорятъ. Въ наши юбилейные дни были произнесены **рѣчи** въ Москвѣ и въ Парижѣ: ну, конечно, въ Москвѣ уклонились въ одну сторону, у насъ въ другую; тамъ обнаружили у Пушкина **соціалитическія предчувствія**, **здѣсь** особенно настаивали на томъ, что торжество «наше», **безспорно-эмигрантское**, — но безъ **этого** обойтись ведь не могло... Замечательно однако, что при полномъ **различіи утвержденій** особыхъ **нелѣпостей** не **получилось**. Пушкинъ **«выдержалъ»**, онъ еще и не то способенъ выдержать. Онъ какъ будто стоитъ въ **отдаленіи** — и **безразличенъ** къ тому, что ему приписываютъ. Не исключеніе — и речь Достоевскаго, одно изъ величайшихъ **насилій** надъ **Пушкинымъ**, **безпрепятственно** и **безболезненно** удавшееся. Отъ школьныхъ саводнико-сиповскихъ прописей насчетъ **граціозной гармоніи** духа и светлаго оптимизма, до **модернистическихъ послѣ-карамазовскихъ «безднъ»**, открываемыхъ въ **любомъ мадригалѣ** и даже въ «Графѣ Нулинѣ» — удастся вообще все.

А Пушкинъ попрежнему неуловимъ. Сейчасъ, въ **праздничный пушкинскій** годъ, объ этомъ можетъ быть не совсемъ умѣстно говорить. Сейчасъ — раздолье светлымъ **гармоніямъ** и прочему. Но фактъ устранить трудно — и **многихъ**, многихъ онъ смущаетъ. Со вздохомъ сожаленія мы **повторяемъ, что** Пушкинъ **недоступенъ иностранцамъ**, будто намъ все въ немъ понятно. Но не было въ Россіи писателя, предъ **которымъ анализъ** оказался бы настолько безсиленъ — и съ другой стороны, не было писателя, **обожествленіе котораго** такъ странно походило бы на **«мумификацію»**. **Пристрастіе библиофилочь къ при-жизненнымъ** издаціямъ стиховъ поэта кое въ чемъ оправдано: въ **томикѣ тридцатыхъ годовъ** Пушкинъ какъ буд-

то еще **свободенъ** отъ **необходимости вѣщать и изрекать**. Пушкинъ еще рискуетъ въ творческой своей **игрѣ** — а не ведетъ ее съ **навязаннымъ** ему позднее **сознаніемъ** жреческой безошибочности. Пушкинъ если и «божествененъ», то въ греческомъ античномъ смысле, — божествененъ какъ «гнѣвно-рѣзвые» боги, способные въ пылу своихъ олимпійскихъ страстей **чортъ** знаетъ на что!

Надъ томикомъ тридцатыхъ годовъ особенно остро чувствуешь разницу въ **тонѣ** — между **тѣмъ**, что писалъ Пушкинъ и **тѣмъ**, что написано о немъ (до трудолюбивыхъ и **вечно-враждующихъ пушкинистовъ** включительно). Именно **тонъ** — то и не уловимъ, **вѣрнѣе** — не **возстановимъ**. **Бѣлинскій** все-таки ближе къ нему, чемъ **Достоевскій** и въ особенности последователи его, — хотя у Достоевскаго было то преимущество, что **онъ** не столько говорилъ о Пушкине, сколько говорилъ съ нимъ. Понимаю, приближенно къ Пушкину **препятствуетъ** его **изоляция**. Пушкина окружали холодкомъ: въ русской литературе онъ **царствуетъ**, но не **управляетъ**. **Всякій** согласится, что лишь ценой умственного усиля можно наладить въ воображеніи его **діалогъ** съ Гоголемъ, съ **Лермонтовымъ**, съ **Тютчевымъ**, съ Толстымъ, со всеми теми, отъ которыхъ **онъ** будто **отдѣленъ** золотой решеткой.

Отчасти, Пушкинъ самъ отъ такой беседы уклоняется. Но надо признать, что и вопреки ему получилась у насъ обстановка, при **которой** эта воображаемая беседа стала почти невозможной.

Творчество и жизнь человека **представляютъ** собой лишь известное количество **мыслей**, словъ, поступковъ, **предположений**, короче, «единицъ», въ суммѣ **которыхъ** мы **ищемъ** плана.

Иногда планъ отчетливъ — какъ, например, у Толстого. Его **наличье** не исключаетъ споровъ, но **ограничиваетъ** ихъ пределы — и, въ сущности, **сводитъ** ихъ къ борьбе оценокъ вместо борьбы **толкованій**. У Пушкина плана нетъ, — по **крайней мѣрѣ** плана у него не видно. Нельзя сказать — (притомъ не только нельзя выразить логически, но и ощутить внутренне, «музыкально») — о **чемъ** онъ писалъ. Въ жизни его **элементъ** случайности доминируетъ. Даже самый трагизмъ этой жизни случаенъ: думая о ней, неизбежно приходишь къ выводу, что могло все случиться совсемъ иначе. Никакого **предопредѣленія**, на первый взглядъ, никакой «судьбы», въ **наполе-**

оновскомъ, очевидно — фатальномъ и чуть-чуть **театральномъ** **смыслѣ** слова.

Но вотъ Гоголь сказалъ, что после его смерти въ Россіи стало «пусто». **Геніально-вѣрно** сказано (**геніально** — по быстроте отзвука, и гоголевскому природному дару **оттѣненія** всего того, что было въ Пушкине и чего не было въ немъ **самомъ**), — до сихъ поръ къ словамъ этимъ нечего прибавить. Россія безъ Пушкина пуста, — въ целомъ, если представить себе, что его въ ней не было, и конкретнее, ограниченнее, если вспомнить, **чѣмъ** стали **николаевскія десятилѣтія** после него. Изъ Петербурга мчится **ямщикъ** съ пушкинскимъ гробомъ — будто отлетаетъ душа страны, государства, эпохи: все обречено, жертву нельзя искупить, больше нечего ждать. Гоголь съ **удивительнымъ проникновеніемъ** понялъ **роль** Пушкина, — и то, что ему самому эту роль не сыграть, какъ бы ни были велики его силы, не сыграть вообще никому, даже **Толстому**. Въ чемъ дело? Неужели въ этихъ трехъ-четырехъ книжкахъ со всей ихъ прелестью, со всей ихъ глубиной, правдивостью, отражена жизнь всего народа? **Разсудочныя** возраженія **напрашиваются** сами собой, — но не **убѣждаютъ: какія-то** «струны» **звенятъ** въ насъ въ ответъ Пушкину совсемъ по особому, отвечая заодно и Россіи, смешивая его и ее, не узнавая, где онъ, где она... Кстати, по поводу иностранцевъ — и ихъ почтительнаго **безразличія** къ Пушкину. Конечно, знать языкъ поэта необходимо — и безъ этого читать его не стоитъ. Но съ Пушкинымъ — однимъ **языкомъ** не отделаешься. Французъ или немецъ, **изучи**въ русский языкъ, все-таки не разделить нашихъ **чувствъ** къ «Онегину» — и втайне, съ **нѣкоторыми** оговорками можетъ быть, повторить **давній флюберовскій Упрекъ** въ **«platitude»**. Мало и **знанія** русской исторіи. Надо родиться въ Россіи, надо было пожить въ ней, подышать ею, какъ то навсегда, всей кровью ощутить свою съ ней неразлучность, чтобы ощутить и Пушкина. Есть вещи «по ту сторону Добра и зла», есть другія — «по ту сторону литературы».

Пушкинъ случаенъ и многое кажется въ немъ случайно — только вне обще-русскаго фона. На немъ — все въ Пушкине полно **Значенія**, которое мы «разгадываемъ», хотя **едва** ли когда-нибудь **разгадаемъ**.

Онъ **не могъ** томиться о «звучахъ иныхъ», — потому, что **для** него иныхъ **міровъ** нетъ... Пушкинъ самъ собой **ограниченъ**, самъ въ себе замкнуть. Ему «все позволено» — и от-

того на **христіанскій** слухъ въ **поэзіи** его есть что-то ужасно-грешное, смягченное только его скромностью, смиренностью, **отсутствіемъ** всякаго вызова. Пушкинъ вовсе не **враждебенъ христіанству**, — онъ просто не знаетъ его, онъ лишень **органовъ воспріятія**. Онъ готовъ любоваться православнымъ «фольклоромъ»: просвирни, колокола, картинные иноки, — но это **совсѣмъ** не то... Незачемъ и объяснять.

У Лермонтова:

Подожди немного,
Отдохнешь и ты!

Отчего эти **двѣ** строки «**пронзаютъ** сердце»? Ищешь, ищешь въ памяти, перебираешь воспоминанья, уходишь вглубь, **отбрасываешь**, отвергаешь — и вдругъ разгадка удивляетъ своей простотой: это далекое эхо далекаго голоса, того, съ креста на другой крестъ, — какъ было раньше не узнать? «Днесъ, со мною, въ **раи**»... **Ослабленно** въ тысячи разъ, искажено въ **устремленіи** но неоткуда было взяться этимъ **объщаніямъ**, какъ только оттуда, **нѣтъ** для нихъ другого источника! Отъ Гете не осталось и **слѣда**.

Подожди немного,
Отдохнешь и ты!

Арфа, «арфа серафима», золотыя нити подъ «легчайшими перстами»... **Мірѣ** надтреснуть — и въ трещину льется свѣтъ.

У Пушкина — свѣтъ въ немъ самомъ. Все округлено, закончено — и надеяться такъ же не на что, какъ не о чемъ и вспоминать. **Гармонія, совершенство**... Да, это правда. Но чувство **мѣры** — добродетель менее всего евангельская и ключъ къ нему — въ обзримости творческой арены, въ твердой лиши **горизонтовъ**, въ **отсутствіи трещинъ**. Не можетъ быть ни порядка, ни строя тамъ, — где что-то неизвестное позади, что-то неизвестное впереди, — **какъ** нельзя решить **Уравненія**, где есть лишій иксъ.

Лермонтовъ и Гоголь — будто стремятся замолить **явленіе** Пушкина, какъ, впрочемъ, почти вся наша позднейшая литература, какъ и **Достоевскій**. **Владимиръ Соловьевъ** по этому поводу разоткровенничался, смущенный преимущественно «чувственной природой» поэта. Едва ли основательно! Чувственность **можно** подвести **подъ** формулу «падшаго ангела» — и предположить всякъ **позднѣйшія** раскаянья и **очищенія**, если

бы, — какъ предположилъ К. Леонтьевъ въ одномъ изъ фантастически-блестящихъ своихъ **построеній**, — «Дантесъ промахнулся». Но Пушкинъ — ни въ коемъ **случаѣ**, ни въ **малѣйшей** степени не «ангель»! Пушкинъ — это проба **человѣка**, **утвержденіе** человека, съ **рѣдкими предчувствіями** дальнѣйшихъ, **невѣдомыхъ** возможностей. Когда Пушкинъ говоритъ про «безсмертье, можетъ **быть, залогъ**» — онъ потрясенъ самъ, какъ будто передъ нимъ разверзается пропасть... **Лермонтовъ** съ **безсмертьемъ**, можно сказать, **неразлученъ**, Лермонтовъ **панибратствуетъ** съ нимъ. А у Пушкина кружится голова — отъ неожиданности, отъ неизвестности.

Люди такого творческаго склада — существовали и до, и после него. **Не** помню, кому **принадлежитъ** изслѣдованіе «Пушкинъ и Ницше»: очень интересно для **сопоставленія**, много общаго во **влеченіяхъ**. Но Ницше лишь представляется «ницшеанцемъ». Единственная **у** Ницше действительно-живая тема — тема страданія, — и онъ поистине исходитъ кровью, защищая свои **трезво-плоско-сухія позиціи**. Ницше — сплошное противорѣчіе, **звучкомъ** и тономъ каждой строчки заклиняющее не верить ихъ дословному, прямому смыслу... Пушкинъ гораздо органичнѣе и тверже. Въ **проѣкціи Пушкинъ** — абсолютный **анти-декадентъ**, абсолютный **анти-вагнеристъ**. **Вопросъ** не въ томъ, кто **правъ**, — вопросъ въ томъ, что за однимъ, **что** за другимъ, можно ли отстоять такое **«міроощущеніе»** и можно ли **жить съ нимъ**.

Пушкинъ творчески — почти полная удача. Безпримѣрная, — несмотря на «почти». Но какая страшная грусть въ его **существованіи**! Какъ потрепала жизнь это наше бедное божество, — какъ истерзала въ конце **концовъ**! За что истерзала? Ну, Наталья Николаевна по легкомыслію поощряла Дантеса или даже царя, ну, Бенкендорфъ былъ глупъ, а кредиторы назоиливы... но не только же это, не только же **это!** Какое **намъ**, въ конце концовъ, черезъ сто летъ, **дѣло** до Натальи Николаевны и волочившихся за ней «офицеришекъ»? Почему все такъ таинственно-значительно въ этой драме? Или действительно, въ самомъ **дѣлѣ**, въ Петербургѣ, сто **лѣтъ** тому **назадъ**, **возникъ миѣъ**, — и Пушкинъ потому-то и **не** былъ **«субъектомъ»** **религіознаго** чувства, что **происходилъ** изъ рода «объектовъ»?

Пожалуй — такъ. Не обманываетъ **впечатлѣнія** отъ смерти его, — какъ отъ **центрального событія** въ судьбѣ Россіи. До сихъ поръ мы все — вокругъ его гроба. **Лермонтовскія** томленія навѣяны **чѣмъ** то **чудно-знакомымъ**, да! Но и эта смерть что-то напоминаетъ и возвышается, **чѣмъ** больше о ней дума-

ешь, до величья всенародной жертвы, — не безъ мѣфистофельскихъ, правда, смѣшковъ вокругъ, не безъ «бѣсовскихъ» судорогъ на лицѣ героя.

Сомненія.

Не принимаемъ-ли мы «петербургскій періодъ» за всю исторію Россіи? «Вершина русской культуры»? Всей культуры? Или этихъ двухсотъ лѣтъ, которыя — какъ знать? — могутъ оказаться лишь двухсотлѣтнимъ эпизодомъ? Осоргинъ въ шутливой формѣ нарисовалъ, что всемъ хорошъ былъ бы Пушкинъ, да вотъ только предпочиталъ почему-то Петербургъ Москве. За шуткой — острая и тревожная мысль, хотя трудно сказать, верная ли. У Сологуба есть замѣчательная по силѣ строка о «лживомъ ген'ш» — самое кощунственное, что о Пушкине въ русской литературе было сказано, ибо писаревщина не въ счетъ. Написаны эти слова Сологубомъ, въ старости, после революціи, — съ осторожной оговоркой, что «рано еще его развенчивать».

Сейчасъ Россіи Пушкина восторженно чтить. Испытаніе какъ будто уже пройдено. Но успѣхъ на этомъ экзамене что-то слишкомъ уже быстръ, слишкомъ полонъ, — и потому не совсѣмъ убѣдителенъ. Да и нельзя определить, чего сейчасъ дѣйствительно ищутъ «массы», — не говоря уже о томъ, что не «массы» будутъ въ этомъ дѣлѣ последними судьями!

Еще.

«Пушкинъ все зналъ»: традиціонное утвержденіе, ставшее аксіомой. Но если бытѣ безостановочно — значитъ, въ него непрерывно входятъ новые элементы. Нетъ, можетъ быть, обогащенія, но есть дробленіе того, что представлялось раньше неразложимымъ. Можно ли по-пушкински упорядочить, гармонизировать нашъ внутренній міръ? Явится ли когда-нибудь поэтъ, на это способный? Нужна-ли черновая, черная работа — или нужнее оберегать пушкинскій творческій строй, какъ нечто незаменимое?

Очарованіе.

На сомненія — эти, и многія другія, — ответы не совсѣмъ ясны. Но сомненія не умаляютъ Пушкина, — наоборотъ, они роднятъ съ нимъ, оставляютъ человека съ нимъ наедине.

И вотъ, ища **отвѣтовъ**, въ **сотый**, въ тысячный разъ начинаешь Пушкина перелистывать.

Многое еще надо было бы **написать**. Тема неисчерпаема. Но перелистываешь поэмы, стихи, **«Онегина»** — и какъ всегда, въ моментъ **непосредственнаго столкновенія**, непосредственной **встрѣчи** съ истиннымъ творчествомъ, становится ясно, насколько **бѣднѣ** и заносчиво — ничтожное дело — **всѣ** комментаріи къ тому, **гдѣ** мысль и чувство нераздельны и **гдѣ** драгоцененъ именно сплавъ ихъ.

«Онегина» надо знать наизусть, — особенно две **последнія**, **болдинскія** главы: иначе ускользаетъ волшебная игра звуковъ, иначе образы замыкаются въ своемъ психологическомъ или бытовомъ **содержаніи**, — и не доходитъ до **сознанія**, не **«звенить»** глубоко-лирическая тема прощанья, страха, стремленья спасти, уберечь, оградить, смутная тема всего нашего будущего. Но что объ этомъ сказать? Опять повторить имя: **Россія?** А тамъ имени-то и нетъ, — есть зато все, что за именемъ. Будто распахнулось окно — листки **разлетѣлись** во все стороны, чернила опрокинуты, пахнетъ дождемъ, землей, туманомъ, **тленомъ**, влагой, жизнью, смертью... Но и это — литература, «да и дурная», по Пушкину же. Ничего нельзя сказать, — а разсуждать принимаешься, только забывая, что ни до чего не договоришься.

Георгій Адамовичъ.